

Классификация и этимология этнонимов ороков Сахалина в отечественной литературе

Анатолий Федорович Старцев,

доктор исторических наук, главный научный
сотрудник Института истории, археологии и
этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток

E-mail: starcev.42@mail.ru

По своей классификации этнические названия ороков Сахалина разделяются на три группы: 1) олча (ольча, ольчи), улча (ульча, ульчи); 2) уилта (уйльта), улта (ульта), уйлта (уйльта); 3) ороки, орочи, орочёны (орочены, орочоны). Первая группа этнонимов за ороками не закрепились, потому что термины *олча (ольча)* и *улча (ульча)* были объединены в одно название *ульчи*, которым стали называть не ороков, а одну из групп амурских *нани* – современных ульчей. Вторая группа названий была объявлена разными фонетическими звучаниями одного термина, закрепившегося в научной литературе в форме *уйльта*. Современные этнографы ошибочно считают, что это исконное самоназвание ороков, образованное от эвенкийского слова *уил* – водоворот. Третья группа этнонимов считается привнесенной из языков других народов. Название *ороки* относится к языку айнов, а термины *орочи* и *орочёны (орочены, орочоны)* – русские слова. Анализ всех этнонимов показал, что из трех групп названий истинным самоназванием является только эндоэтноним *орочёны*, а все остальные этнонимы трех групп, за исключением экзонима *ороки*, являются территориальными названиями этнических групп ороков Сахалина.

Ключевые слова: классификация, культура, название, самоназвание, ороки, олча, улча, уилта, улта, уйльта, орочёны.

Classification and etymology of Sakhalin Orok ethnonyms in Russian scientific literature

Anatoliy Starcev, Institute of History, Archaeology and Ethnology of the Peoples of the Far East, FEB RAS. Vladivostok, Russia. E-mail: starcev.42@mail.ru.

According to the common classification, the ethnic names of the Sakhalin Oroks are divided into three groups: 1) Olcha (Ol`cha, Ol`chi), Ulcha (Ul`cha, Ul`chi); 2) Uilta (Uil`ta), Ulta (Ul`ta), Ujlta (Ujl`ta); 3) Oroks, Orochs, Orochyona (Orochena, Orochona). The first group of ethnonyms was not definitely fixed for them, because the terms of an Olcha (Ol`cha) and Ulcha (Ul`cha) were combined into one name Ul`chi, by which was called not Oroki, but one of the Amur Nani groups - modern Ul`chi. The second group of names was declared as a different phonetic sounds of one term, which was fixed in scientific literature in the form of Ujl`ta. Modern ethnographers mistakenly consider that primordial self-name Oroki was formed from the Evenki's word Uil – whirlpool. The third group of ethnonyms is considered introduced from languages of other peoples. The name Orok belongs to language of Ainu, and terms Orochs and Orochyona (Orochena, Orochona) – the Russian words. The analysis of all ethnonyms showed that among three groups of names the true self-name is only Orochyoni, and all other, except an ekzonim Oroki, are territorial names of ethnic groups of Sakhalin Oroks.

Keywords: classification, culture, name, self-name, Orok, Olcha, Ulcha, Uilta, Ulta, Uilta, Ujl`ta, Orochony

В этнографии народов Приамурья и Сахалина высветилась проблема этногенеза ороков, известных с 1929 г. под этнонимом *ульта*. Исследованием происхождения этого народа занимались Л.И. Шренк, Л.Я. Штернберг, Б.А. Васильев, Т.И. Петрова, М.Г. Левин, А.В. Смоляк, Ю.А. Сем, Т.П. Роон, А.М. Певнов, Л.И. Миссонова, Д.А. Функ, А.П. Зенько, В.Д. Косарев, В.В. Подмаскин и др.

Этот народ из всех малочисленных этносов Приамурья, Приморья и Сахалина в этногенетическом плане для этнографов представляет особый интерес. У всех народов этих регионов имеется по одному этнониму и максимум по 2-3 экзонима, а у ороков выявлено более 20-ти этнических названий и несколько официальных этнонимов – *орочёны*, *олча (ольчи)*, *улча (ульчи)*, *уилта (уильта)*, *улта (ульта)* и *уйлта (уйльта)*. К сожалению, мы мало знаем, почему в народной памяти ороков не сохранилось, а вернее до сих пор не выявлено этнического самоназвания, выраженного в едином национальном названии. Почему у ороков Сахалина так много этнических имён, о многообразии которых свидетельствуют не только материалы XIX – начала XX вв., но и данные Всероссийской переписи населения 2002 г.

Все этнические названия ороков Сахалина можно разбить на три группы:

- в состав первой группы входят этнонимы *олча (ольча, ольчи)* и *улча (ульча, ульчи)*. Этнонимом *олча (ольча)* называли себя ороки Сахалина и население Нижнего Амура – мангуны [8, с. 44]. Л.Я. Штернберг утверждал, что этнические названия *ольча (ольчи)* и *ульча (ульчи)* своим происхождением обязаны орокским словам «*аля, уля, ола, ула*», что в переводе означает «домашний олень» [46, с. 8, 396].

Штернберг, а вслед за ним и все советские и постсоветские исследователи считают, что названия ороков - *ольча* или *ульча* соответствуют русскому переводу «орочоны», т.е. оленеводы.

Автор статьи, придерживаясь мнения Шренка и Липского, что аборигены не могли сами себя называть именем, отражающим особенности их хозяйственной деятельности, считает, что все этнические и родовые названия своим происхождением обязаны местным гидронимам, оронимам, ойконимам и др. топонимам. Например, эндоэтноним удэгейцев (*удэ, удихэ*) произошёл от местности *удэ*, покрытой лесом. Отсюда и описательное название *удэ (удэгейцы)* – лесные люди; негидальцы (самоназвание *илкан бэйэнин* – «местный человек») имеет и другой этноним – *негда*, который связывается с рекой Негди, впадающей в оз. Нейдадь (оз. Орель). В 30 верстах от устья по р. Негди имелось и негидальское селение Негди, которое географически размещалось недалеко от Амура. [22, с. 144-145, 154]. «Я готов даже думать, – писал Л.И. Шренк, – что «Негда» и есть имя, которым этот народ сам называет себя...» [45, с. 158]; нанайцы (самоназвание *нани*) в этнографической и иной литературе известны под названием *гольды*. Гольды, проживающие в низовьях Амура, сами себя *гольдами* не называли, а относили к *ходзенам*, т.е. к людям, живущим в низовьях Амура. Кроме этого, все аборигены чаще всего незнакомца называют по месту жительства, откуда он пришёл. При этом у северных тунгусов название территории обитания человека обозначается суффиксом *чен (чан)*, прибавляемого к основе гидронима, ойконима и др. топонимов. Например, «*Дею+чен* – «житель Зеи»; *Нюй+чен* – «житель Нюи»¹ [5, с. 12], у тунгусов южной

---

¹ Суфф. – *чен*, обозначающий названия населенных пунктов в чжурчжэньском языке, отмечен в VII в.

группы (удэгейцев, нанайцев, орочей и др.) территория местожительства обозначается при помощи суффикса *нка*, например, Пеонка – житель с р. Пея (удэгейцы); Копинка – житель с р. Копи (орочи) и т.д., а у ороков при помощи суффикса *та*, а именно: – *уилта* – житель селения Уил; *улта* – житель р. Ул. Исходя из вышесказанного, автор статьи считает, что Штернберг ошибался, когда утверждал, что под терминами *ольча* и *ульча* следует подразумевать понятие «оленеводы». Отсюда следует, что вместе со Штернбергом ошибались и все советские, и постсоветские исследователи.

Неопровержимый факт – самоназвание в форме *ульча* было выявлено в 1883 г. [28, с. 81]. Этим словом сами себя называли ороки Северного Сахалина, а эвенки им называли оленеводов верховьев Амгуни [13, с. 23]. Исходя из того, что в языке эвенков нет слова *ула* в значении *домашний олень*, то можно говорить, что слово «ульча (ульчи)» эвенки заимствовали у ороков, которые под этим названием подразумевали не оленеводов, а какую-то конкретную территорию, где в прошлом обитали их предки. Если учесть, что термин «ульча (ульчи)» – это русифицированная форма слова, а исконная звучит как *улча* [41, с. 262–263], то можно предположить, что это название могло появиться среди тывлинских тунгусов (эвенов), обитавших в 1928 г. в устьях рек Тывлин и Ул, впадающих в Сахалинский залив Охотского моря. На примерную территорию этих тунгусов в свое время указывал еще В.К. Арсеньев, когда говорил об оленеводах, кочевавших на северо-востоке Приамурья. «... Ульчи эти ходят с оленями и живут где-то далеко к северу, дальше Николаевска-на-Амуре» [2, с. 73].

Если от Николаевска-на-Амуре строго на север проложить путь, то через 70-80 км он завершится в устьях рек Тывлин и Ул. Исходя из факта, что река Ул имеется только в Приамурье, то местные оленеводы с орокскими корнями сами себя могли назвать *улта* (жители реки Ул), а современные ульчи, которые по своему самоназванию относились к нани, проживавшие в низовьях Амура и имевшие название мангуны или ходзени, ороков (Сахалина) называли термином «улча» [41, с. 263]. На материк, на северное направление, где находилась родина предков, указывали и сами ороки, когда рассказывали Васильеву, что настоящие *улта* (ульта) с оленями, «живут где-то на севере Охотского побережья» [6, с. 5]. На связь предков ороков с материком указывал и Ю.А. Сем: «Шаманы при камланиях перелетают море, по берегу материка достигают Амура и выходят на Амгунь, в верховьях которой живут их предки с большим числом оленей» [32, с. 86].

В состав первоначальной территории, в границах которой происходил процесс формирования ороков, входили верховья Амгуни, побережье Сахалинского залива (бассейны рек Тывлин и Ул) и низовья Амура (условно оз. Кизи). Если по этим пунктам провести прямые линии, то мы получим разносторонний треугольник, в границах которого и происходил процесс обособления ороков.

В этом этногенетическом процессе равное участие принимали и нарождавшиеся негидальцы, что подтверждается антропологическими исследованиями М.Г. Левина, указывавшего, что по антропологическим параметрам негидальцы, ороки и эвены имеют значительное сходство [11, с. 27–28].

До XVII в. будущие ороки, тяготевшие к населению Нижнего Амура, входили в состав мангунов, где и приобрели южный говор, а негидальцев, значительно

удаленных от Амура, в XVII в. перекрыла миграционная волна северных тунгусов (эвенков), пришедших со стороны Станового хребта.

В 1925 г. в этнографических кругах утвердилась идея, что слово ольча представляет собой неправильное написание слова ульча (ульчи). Таким образом, этнографы советского и постсоветского периодов из этнических самоназваний ороков в форме *ольча* (ольчи) и *ульча* (ульчи) за ороками не закрепили ни одного этнонима, потому что последним этнонимом без каких-либо доказательств А.Н. Липский назвал мангунов – современных ульчей [15, с. XLIII], которые никогда оленеводством не занимались. Большинство этнографов и филологов не обратили внимания на это несоответствие и согласились с этим фактом, а этническое название *ольча* (*ольчи*), как некое недоразумение в культуре ороков и этнографической науке, дружно предали забвению.

В 1947 г. А.В. Смоляк, изучая ульчей Нижнего Амура, особо отмечала: «Этот термин никогда не бытовал среди этого народа. Ныне, когда прошло около 40 лет со времени официального присвоения народности этого названия, оно воспринимается как естественное» [38, с. 36]. Так ороки лишились своих самоназваний, а ульчи приобрели этноним, от которого долгое время открещивались и не признавали его своим самоназванием.

– вторую группу этнонимов составляют такие самоназвания как *уилта* (*уильта*), *улта* (*ульта*) и *уйлта* (*уйльта*). Большинство российских этнографов, со ссылкой на Л.Я. Штернберга и А. Маевича, связывают орокский термин *ула* (домашний олень) не только с самоназваниями ольча, ульча, но и *уильта*, *ульта* и *уйльта*, придавая им значение, «с оленями» или «оленеводы». Касаясь написания терминов *уильта*, *ульта* и *уйльта*, следует сказать, что это русифицированные формы слов.

Впервые русифицированный термин «*уильта*» упоминается в работе В.К. Арсеньева «Этнологические проблемы на востоке Сибири». В этой связи он писал: «Слово «ольча» есть искаженное русскими название одного из родов «ульча» (или еще вернее – «уильта»), принадлежащего к одной какой-то народности, к которой причисляются и орочи, и ороки...» [3, с. 562].

Следует особо обратить внимание на сообщение В.К. Арсеньева, которое никто из советских и постсоветских этнографов и филологов не анализировал и не использовал, а это значит, что никто из них работы В.К. Арсеньева не читал или проигнорировал их содержание. Сам же Арсеньев под этническим названием «ульча» подразумевал не современных ульчей-рыболовов, а ороков – ульчей-оленеводов или ороков, курсировавших между Сахалином и Низовьями Амура.

Термин «уильта», кроме работы В.К. Арсеньева, через 55 лет фиксируется и в исследовании Т.И. Петровой, где она отмечает, что «в литературе приводится и самоназвание ороков – «ульта» («*уильта*», *уйльта*)». Слово *уильта*, отмеченное во введении книги только **один раз**, больше нигде она не упоминает, а вместо него в качестве самоназвания ороков фигурирует словосочетание *ульта* ~ *уйльта* (*ул`та* ~ *уйл`та*) [27, с. 6]. Иначе говоря, Т.И. Петрова название «уилта (*уильта*)» выбрасывает как лишнее звено из этнонимической цепочки, подразумевая под этим термином один из вариантов разночтений слова *уйльта*.

Если использовать тильду – филологический знак «~» (одинаково, идентично) между этнонимами *ульта*, *уильта* и *уйльта* и считать, что эти названия, согласно концепции Л.Я. Штернберга, связываются с орокским словом *ула* (*олень*), то невольно под таким сочетанием слов усматривается единое самоназвание ороков, поэтому этнонимическая цепочка терминов «ульта ~ уильта ~ уйльта» как бы приобретает разное фонетическое звучание одного слова, сведенного к названию уильта, что практически и сделано советскими филологами (Т.И. Петровой) и постсоветскими исследователями – Т.П. Роон, Л.И. Миссоновой, Д.А. Функом, В.В. Подмаскиным и др. В наши дни этноним уйльта, по мнению некоторых специалистов, считается исконным самоназванием этноса [19, с. 129].

По поводу исконности названия уйльта один из ороковедов – В.Д. Косарев выразился так: «чего мне не мог объяснить никто – это появление кажущегося лишним звука «й» в названии, происходящем от «уля/ула». История с этим этнонимом кажется подозрительной, и может стать так, что это не исконное имя ороков, а искусственно созданное или данное кем-то извне. Ведь у большинства соседних народов Севера самоназвания переводятся как «человек», «люди», «народ», а этнонимы по занятиям или культурным особенностям обычно даются другими племенами» [10, с. 19].

Специалисты тунгусо-маньчжурских языков – финляндский филолог Юха Янхунен и российский учёный А.А. Бурькин обоснованно считают, что концепцию Л.Я. Штернберга и А. Маевича, основанную на связи этнического названия *Uilta* со словом «ула» («северный олень»), следует признать ошибочной. «К сожалению, – отмечал Юха Янхунен, – эта этимология может едва быть правильной, поскольку деривационные отношения были бы уникальны» [47, р. 73]. Алексей Бурькин не стал вдаваться в сложности новых словообразований с термином «ула», а дал четкое объяснение, что при образовании слов из орокского слова «ула» «... конечный гласный «а» в названии оленя не должен ... отпадать при образовании производных» слов [4, с. 271]. Исходя из этого, от слова «ула» не могли возникнуть ни термин «олча (ольча)» или «улча (ульча)», ни «улта (ульта)» или «уилта (уйльта)» и не «уйльта». Это означает, если эти этнонимы возникли не из орокского слова «ула», не из тунгусских слов «ула» – 1) «река»; 2) «подошва», 3) «подметка»; 4) «стелька (травяная)», то орокские этнонимы *уилта (уильта)*, *улта (ульта)* и *уйлта (уйльта)* могли возникнуть только от топонимов тех мест, где ороки – их предки или родственники, кочевали с оленями на материке. Рассмотрим подробно это предположение.

По нашему мнению, самоназвание ороков *Uilta* или в русской транскрипции этого слова – *уильта* этимологически связывается с ойконимом – поселением *Uil*, находящемся в верховьях Амгуни на территории негидальцев. Жители этого селения, как сообщал Л.Я. Штернберг, «... лет двадцать назад все вымерли» [46, с. 532, 548].

Известный факт, что во время эпидемий жители Приамурья и Приморья бросали свои дома и разбегались в разные стороны. Можно предположить, что нечто подобное случилось и в деревне *Uil* (Уил), в которой жили не только негидальцы, но и ороки, известные под названием ульча. Л.Я. Штернберг признавал, «что многие роды на Амуре носят прозвище ульчан даже на территории негда» [46, с. 400].

Мы не знаем, кто основал селение Уил, но то, что вместе с негидальцами проживали ольчи и ульчи (ороки), хорошо известно. Имеются также свидетельства, что отдельные негидальцы с верховьев Амгуни переселялись на Сахалин и входили в состав ороков [43, с. 34–35]. Исходя из вышеизложенных данных, можно предположить, что появление среди ороков Сахалина этнонима уилта (уильта) обязано какой-то группе ороков-ульча или верховским негидальцам, называвших себя вначале жителями селения Уил, или верховскими – жителями верховьев реки.

Как из названия селения Уил могло образоваться этническое имя Уилта, мы находим пояснение в книге Т.И. Петровой, в которой отмечалось, что «фонетические закономерности орокского языка позволяют сопоставить суффикс *-та* с весьма продуктивными суффиксами *-нкã* в нанайском языке и *-нча* в ульчском: *-нкã* ~ *-нча* ~ *-нта* > *-тта* > *-та*. Суффиксы *-нкã* и *нча* в языках нанай и ульчей образуют от соответствующих имен существительных имена, обозначающие название жителя данной местности. Если придать такое же значение суффиксу *-та* в слове *ул'та* ~ *ујл'та*, следует ожидать, что основа *ул' ~ ујл' ~ ујл'* будет связана с названием какой-либо местности ...» [27, с. 6].

Идея Т.И. Петровой об использовании термина *уил'* для этимологизации этнонима *уилта* (*уильта*) была заимствована Л.И. Сем. Она в 60-х годах XX в. отмечала, что в основе этимологии этнических названий ульта и ульчей «... лежит корень, связанный с понятием «вода»: ... *уилта*, *улта* (от *уил*, *ул* + *чан* = «речные люди, поречане»»). При этом свой вывод Л.И. Сем подкрепляет эвенкийским термином *уил*, *уул* («водоворот», «заводь»), эвенским словом *уули*, *улу* («бурлящая вода», «водоворот») и другими словами, связанными с общим понятием «вода» [35, с. 9].

Разработка термина *уил* в значении «вода», «водоворот» дальнейшее развитие вначале получила у С.В. Соколовского, считавшего, что названия *ульта* и *уильта* соответствуют понятию «поречанин» [39, с. 167], а затем идея со словом *уил* конкретизируется Л.И. Миссоновой, которая со ссылкой на предшественников, выражает их и своё мнение об этимологии ороков такими словами: «В эвенкийском языке этимологию слова ульта можно связать с корнем *уил* («водоворот»), *ула* («река»), *улами* (промочить, намочить) ... Вероятно, оно было дано в противоположность оленеводам – эвенкам, орокам, как поречанам. Таким образом, в названии ороков мы видим двойственность. Северные соседи с материка их называют по признаку их жизни на берегу реки, а соседи на Сахалине – по наличию в хозяйстве оленей» [18, с. 59].

На наш взгляд, этимологию орокского этнонима *уилта* нельзя выводить из эвенкийского слова «*уил*», означающего понятие «водоворот», хотя бы по той причине, что у тунгусо-маньчжуров водоворот на реке являлся входом в мир мёртвых. Из материалов Г.М. Василевич известно, что «входом в нижний мир (хэргу буга, хэргу дуннэ) служили отверстия в земле (расщелины), длинные пещеры), а также в водоворотах и глубоких водоёмах» [5, с. 212].

По нашему мнению, этимологию самоназвания *уилта* следует выводить из того языка, которому принадлежит сам термин. Кроме этого, на каждой реке имеются сотни водоворотов, поэтому определить от какого водоворота произошли ороки не только не профессионально, но не представляется и возможным.

Я не думаю, что ороки связывали свою жизнь с жителями подземного мира или являлись посредниками между живыми и мёртвыми. Потому что, как нам представляется, этимология селения *Уил* и самоназвание *уилта* (уильта) связывается с орокским словом «*уи*» – «*верхний*», «*верхняя сторона*» [41, с. 246; 23, с. 171]. Возможно, что этноним *уилта* каким-то образом связывается с удэгейским термином *уилэ*, означающим «вверху», «наверху» [Гирфанова, 2012, с.35], орокским словом *уилэ*, имеющим перевод «вверху (находиться)» [1, с. 240] и нанайским понятием *уилэ* – «наверху». Исходя из этого, полный перевод этнонима уилта (уильта) будет означать «жители верховьев реки» или «верховские» [42, с. 128], а не поречане, как считают советские и постсоветские исследователи.

На наш взгляд, нельзя ставить знак равенства между этнонимом *уилта* (*уильта*) и этническим названием *улта* (*ульта*), как это делается Т.И. Петровой и др. исследователями, потому что это разные названия. Первое название относится к верховьям р. Амгуни, где в прошлом на территории негидальцев функционировала деревня *Uil* (Уил), а второе наименование могло появиться среди эвенов, – так называемых тывлинских тунгусов, кочевавших с оленями в бассейне реки Ул, впадающей в Сахалинский залив [17, с. 27].

Исходя из исследования Т.И. Петровой «Язык ороков (ульта)», относящей термин *ульта* к «первичному» эндоэтнониму ороков Сахалина, что и нашло отражение в заголовке ее исследования, мы вправе задать такой вопрос, почему в современной этнографической литературе предпочтение отдано не самоназванию *улта* (*ульта*), впервые зафиксированному Б.А. Васильевым, а сходно звучащему слову *уильта* (*уйлта*), которое в таком написании фиксировалось только Т.И. Петровой через тильду от слова *ульта*? На наш взгляд, утвердившемуся этнониму в форме *уильта*, мы обязаны объединению сельской учительницы начальных классов Е.А. Бибиковой и ученых-ороковедов в лицах Т.П. Роон, Л.И. Миссоновой, Д.А. Функа и др., которые, не разобравшись в этнической истории и этногенезе ороков Сахалина, с 1990-х годов пытаются убедить ороков и ученый мир, что исконным самоназванием ороков является термин «*уйльта*». Чтобы придать вес этому убеждению, во всех современных публикациях ороков Сахалина стали называть только этнонимом *уйльта*, а для подтверждения объективности этой концепции в качестве гаранта привлекают популярного японского филолога Дз. Икэгами, будто бы он рекомендовал орокам использовать этот термин в качестве самоназвания. Кроме этого, для утверждения этой концепции используется даже подлог фактов. Например, в 2014 г. были изданы «Сказки народности *уйльта*» [36, 28 с.], которые были извлечены из книги Т.И. Петровой «Язык ороков (ульта)» [27]. Однако на титульном листе этих сказок и на последней странице, где приводятся исходные данные этой книги, этноним «*ульта*», отмеченный в заголовке работы Т.И. Петровой, вдруг, как-то по сказочному, превратился в термин «*уйльта*».

Трудно поверить, что Е.А. Бибикова и В.А. Михеев, выступавшие в качестве переводчиков текстов с орокского языка на русский язык, не заметили, что в заголовке книги Т.И. Петровой фигурирует термин «*ульта*», а не «*уйльта*». Режисёры подмены одного названия другим не видят разницы между русифицированными словами *ульта* и *уйльта* и преследуют цель, убедить общество в том, что самоназвание ороков в написании *ульта* своим происхождением уходит в глубокую старину, что это

название фигурирует и в книге Т.И. Петровой, изданной в 1967 году, где на её страницах утверждается, будто термин «ульта» был известен Ф. Шмидту и П. Глену, проводивших исследование среди ороков ещё в 1866 г. Однако при проверке оказалось, что это утверждение, заимствованное Т.И. Петровой из работы А.В. Смоляк «Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина», не подтвердилось. Шмидт и Глен в своих исследованиях упоминают только названия *олча* и *ольчи* [8]. Таким образом, подмена названия улта на самоназвание в форме уйльта свидетельствует об искусственном насаждении непонятно откуда взявшегося термина *уйльта* в ущерб действительному самоназванию ороков в форме *орочёны*, под которым в 2002 г. из 346 человек подписалось 148 ороков [20, с. 24].

В переписи населения ороков Сахалина отразился примечательный факт, который остался незамеченным или проигнорированным всеми исследователями. Если филологи и этнографы не делают различий между названиями улта и уйльта, считая эти этнонимы одним словом под разным звучанием, то сами ороки считают, что это разные названия. Именно по этой причине в переписи населения 2002 г. под названием улта зафиксировалось 42 человека, а под этнонимом уйльта – 72 [20, с. 24]. Этот факт свидетельствует только об одном, ороки-улты относятся к одной этнической группе, а ороки-уйльта – к другой. «Даже сами ороки, – отмечал Ч.М. Таксами, – из своей среды выделяют группу улты...» [43, с. 35]. Таких территориальных образований на севере Сахалина, по данным Таксами было пять групп [43, с. 36], в состав которых входили негидальцы, эвенки, и другие этносы Приамурья.

При тщательном анализе орокских этнонимов мы приходим к выводу, что эти этнические имена имеют разные корневые основы, а значит и разную их этимологию. Следует учитывать, что названия улты и уйльта – это русифицированные написания названий, оснащенные мягким знаком, не характерным для орокского языка. Если отбросить мягкий знак из этих слов, то мы получим исконно орокские названия – *улта*, *уилта* и *уйлта*. Однако, по неизвестным для нас причинам, Е.А. Бибикина и постсоветские исследователи – Л.И. Миссонова, Д.А. Функ, В.В. Подмаскин, С.В. Соколовский и многие др. отдали предпочтение русифицированному этнониму *уйльта*. Такой выбор ороковед Л.И. Миссонова объясняет так: «... различия *уйльта/уилта/улты* объясняются трудностью передачи русскими буквами звуков данного языка» [19, с. 141].

Однако размышления Л.И. Миссоновой о невозможности передачи этнических названий *уйльта/уилта/улты* русскими буквами в корне неправильно хотя бы по той причине, что она приводит череду этнонимов уже в русифицированной форме. Ошибочное восприятие постсоветскими исследователями русифицированных названий, сведенных к одному слову, вместо подлинно орокских терминов, сформировало у них мнение, что этническое русифицированное название *уйльта* является исконно орокским именем.

В этой связи уместно будет вспомнить филолога Л.И. Сем, которая ороков Сахалина обозначала только орокскими названиями *уилта* и *улта* [35, с. 141]. Здесь она между этими этнонимами не ставила знак «~», поясняя, что это не различия одного и того же слова, а между этими словами ставила запятую, означающую, что это разные названия, с разными корневыми основами. Но

объяснить, почему у одного и того же народа два названия, она не могла, потому что в её время, когда она изучала ороков, не было теории происхождения этносов, которая бы объясняла, что у одного и того же народа могло существовать несколько территориальных имён. В её научном багаже не было и этнонима в форме уйлъта [33, с. 87–94].

В этнонимическую проблему ороков не было внесено ясности и с появлением теории этноса, потому что постсоветские исследователи проигнорировали её, или не сумели дать этой теории достойную оценку, и продолжали отрицать существование в культуре ороков этнографических (субэтнических) групп, имеющих кроме единого эндоэтнонима, свои особые территориальные названия в форме *улча* (*ульча*), *улта* (*ульта*), *уилта* (*уйльта*) и возможно *уйлта* (*уйльта*). Они продолжают утверждать и сейчас, что эти этнические названия являются разными фонетическими звучаниями одного термина, закрепившегося в научной литературе в форме уйлъта. Однако один из финляндских филологов – Юха Янхунен выразил несогласие с такой трактовкой российских, постсоветских исследователей, и особо отметил, что этнонимы *Ulcha* и *Uilta* представляют два разных названия, относящиеся «исключительно к орокам, территория которых в исторические времена была ограничена Сахалином» [47, р. 72].

Следует сказать, что финляндский филолог Юха Янхунен, также как и Л.И. Сем для обозначения ороков Сахалина, не использует этноним *уйльта*. В его трудах фигурирует только термин *Uilta*. Аналогичное отражение названия в форме *Uilta* наблюдается и у Дз. Икэгами, у которого, начиная с 1980-х по начало 2000-х годов, во всех работах, в том числе и в последнем орокском словаре, опубликованном в Саппоро в 2001 году и в исследовании тунгусских языков [48, 457 р.] нигде не отражено написание этнонима в форме уйлъта или улъта. Во всех его работах ороки Сахалина обозначаются латинскими буквами «*Uilta*». Этот термин по законам фонетики латинского языка читается также, как и пишется, т.е. «*уилта*» – без «И – краткой» и «Ь – мягкого знака».

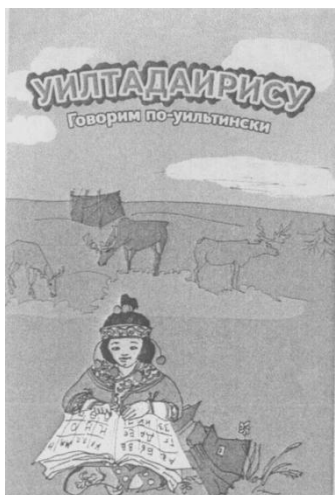
Японцы в латинских словах различных медицинских терминах, географических названиях или в фамилиях, где в словах необходимо применить мягкий знак, в научной транскрипции используют апостроф, который в словах ставится между буквами и над ними в виде запятой, обозначающей мягкость предшествующего согласного. Однако Дз. Икэгами и другие японские исследователи ороков Сахалина – Миямото Китаро, Сиро Сасаки [49, р. 151–168] и другие при написании термина *Uilta* апостроф, смягчающий латинскую букву “i”, не ставят [49, р. 151–168]. Если бы японские исследователи считали, что это слово надо читать с мягким знаком, то в написании оно выглядело бы так: *Uil'ta* (*уйльта*), т.е. так как это слово пишут российские исследователи [47, р. 72].

Дальнейшее изучение работ Дз. Икэгами и других исследователей показало, что в литературе на английском языке японские учёные ороков называют термином *Uilta*, а в литературе на японском языке – в японской письменности – катакане для ороков Сахалина используются иероглифы *ウイルタ*, которые по-русски читаются как УИРУТА без «Й», «Ь» и буквы «Л», отсутствующих в японском языке. Сочетание японских иероглифов *ウイルタ* (*uiruta*) соответствует латинскому написанию слова *Uilta*, орокскому самоназванию *уилта* и русифицированному слову *уйльта*, но не

слову *уйльта*, как утверждают многочисленные постсоветские исследователи, неправильно делавшие перевод латинского слова *uilta*.

При общении с одним из японских исследователей – Сиро Сасаки, я попросил его по-русски озвучить термин *Uilta*. Ответ был таким – *уйлта*, а не *уйлта* или *уйльта/ульта*, как, например, сделал перевод один из российских переводчиков этого слова в исследовании Дз. Икэгами О.А. Поворознюк [50]. Иначе говоря, Сиро Сасаки подтвердил филологический факт, что японские исследователи латинское слово *Uilta* переводят так, как оно пишется. Один из специалистов по латинскому языку о термине *Uilta* дословно выразился так: «Слово «*Uilta*» – скорее это имя собственное и соответственно оно не переводится на русский язык и сохраняет свое родное звучание – Уилта»². В это же самое время один из тунгусоведов, д.и.н. Института лингвистических исследований РАН (г. Санкт-Петербург) А.М. Певнов особо подчеркивал: «Отмечу не очень удачную транскрипцию – в инлауте тунгусо-маньчжурских слов недопустимо сочетание трёх согласных; на самом деле это не *уйлта*, а *uilta*» [26, с. 887].

В 2009 г. в Японии при участии Дз. Икэгами был выпущен проспект «Сахалинская область и Япония». На 36 странице этого проспекта помещена обложка орокского разговорника под названием «УИЛТА ДАИРИСУ» – «Говорим по-уйльтински».

На вопрос, заданный А.М. Певнову, какой будет правильным перевод слов «Уилта даирису»: «Говорим по-уйльтински» или надо «Говорим по-уйльтски» или «по-уйльтински»?

А.М. Певнов ответил, «что касается слов УИЛЬТА ~ УЙЛЬТА, то, конечно, правильным будет первый вариант, то есть УИЛЬТА»³. Иначе говоря, А.М. Певнов считает, что перевод на разговорнике сделан правильно. Кстати сказать, Т.П. Роон, которая в 1996 г. первая выдвинула идею, что ороков уилта надо называть термином «уйльта», с 2018 года этих же ороков стала называть только русифицированным этнонимом «уйльта» [31, с. 160–168].

Исходя из вышесказанного, можно сделать такой вывод, что Дз. Икэгами ороков Сахалина называл только термином *Uilta*, а не *уйльта*, как ошибочно считают российские постсоветские исследователи.

Нам известно, Дз. Икэгами представил орокский алфавит на основе кириллицы и предложил называть ороков этнонимом *uilta*, что и подтверждают публикации японских учёных. Исходя из этих данных, мы приходим к выводу, что ни один из терминов «*uilta* (*уйльта*), *ultra* (*ульта*) и *uylta* (*уйльта*)» не может претендовать на эндоэтноним ороков Сахалина, потому что это разные территориальные названия, что практически и подтверждается материалами Всероссийской переписи населения 2002 г.

² Письменное сообщение д. и. н., профессора, зав. сектором этнографии Института языка, литературы и истории Коми научного центра УрО РАН Ю.П. Шабаяева.

³ Из электронной почты-письма А.М. Певнова, адресованного А.Ф. Старцеву, 26 октября 2018 г.

В состав третьей группы следует включить экзонимы *ороки*, *орочи* и этноним *орочёны* (*орочены*, *орочоны*). Считается, что эти названия своим происхождением обязаны тунгусскому слову «*орон* (*олень*)». Если к слову *орон* прибавить суффикс принадлежности «*чен*», получим этническое название *орочен* (*орочён*, *орочон*), этимология которого, по мнению большинства советских и постсоветских исследователей, соответствует понятию «*оленеводь*». Однако ещё Л.И. Шренк не разделял эту точку зрения и, размышляя, спрашивал: «...В настоящее время подобное название применимо лишь к двум амурским народам, к орочонам, на крайнем западе этого края, и к орокам, на крайнем востоке... Но кто впервые дал этим народам название “оленные”? Не мыслимо, конечно, чтобы они сами назвали себя по имени домашнего животного, хотя и столь важного для них» [45, с. 137]. Шренк на свой же вопрос дает конкретный ответ, что название «орочоны» среди тунгусов могло возникнуть только в тунгусской среде.

Концепцию Л.И. Шренка о невозможности, чтобы олениводы сами себя называли олениводами, поддержал А.Н. Липский. Он особо подчеркивал, что олениводство тунгусов, хотя и является основным видом хозяйственной деятельности, но «... ни в коем случае не может служить этническим признаком, т.к. тогда пришлось бы создать столько народностей, сколько имеется профессий и термин *орочен* никоим образом не может быть употребляем как термин, обозначающий этническую особенность... тунгусов» [15, с. XIII].

Г.М. Василевич, ссылаясь на Маака, отмечавшего, что в Амурской области имеется топоним *Оро* [29, с. 66], и, учитывая утверждение С.М. Широкогорова, что термин «*оро*» по-русски обозначает понятие «*место*», приходит к выводу, что название *орочен* обозначает не понятие «*оленеводь*», а слово, которым обозначался житель местности *Оро* или «местный житель» [5, с. 12].

Если под названием «орочён» подразумевать этимологию «местный житель», то под этим названием *ороки* Сахалина во второй половине XIX в. были известны первым российским исследователям Г.И. Невельскому, Р.К. Мааку, Л.И. Шренку и др.

В наши дни продолжает существовать мнение, что слово «орочён» и его варианты – «орочен» и «орочон» ввели в этнические культуры аборигенов региона русские, которые этим словом называли *ороков* Сахалина, *орочей* Татарского пролива и *удэгейцев*, обитавших на побережье Японского моря, в бассейнах *Имана*, *Бикина*, *Хора*, *Анюя* и др. рек [25, с. 77; 16, с. 7; 30, с. 3].

Первым, кто подал идею, что этноним *орочон* принадлежит русским исследователям, был Л.Я. Штернберг. Об этом свидетельствуют такие его слова: «При первых встречах они (*ороки* Сахалина – *ред.*) называли себя просто *орочами*, то есть так, как их зовут русские...» [46, с. 396].

Из этой ссылки чётко просматривается, что Л.Я. Штернберг приписывает самоназвание *орочон* русским исследователям. Далее он пытается выяснить, как же *ороки* Сахалина называют себя не по-русски, а на своем языке? «Впоследствии, когда я стал допытываться, как будет *орочон* на их языке, – продолжал Штернберг, – они стали называть себя *ульча* или *ольча*, то есть так, как их называют соседи и единоплеменники – *тунгусы*, а также и их единоплеменники на *Амуре*» [46, с. 396]. Получив такой ответ, Штернберг приходит к выводу: «Лучше сказать, слово «*ульча*» явилось буквально переводом на их язык слова «*орочон*», так как слово «*орон*»,

которое у других тунгусских племён означает олень, на языке ороков звучит аля, уля, а отсюда ольча, ульча» [46, с. 396].

Этот этнонимический вывод, зафиксированный Штернбергом, нуждается в особом анализе. Проанализируем эту ситуацию. Л.Я. Штернберг, пытаясь выяснить у ороков их самоназвание, получил ответ, что ороки сами себя называют этнонимом *орочоны*. Однако он, проигнорировав исследование Шренка, считавшего, что термин *орочон* не принадлежит русским [45, с. 137], и, считая, что название *орочоны* относится к русскому языку, Штернберг стал допытываться у ороков, как будет звучать это слово на языке ороков? Ороки, как нам представляется, решив, что Штернберг хочет узнать не имя народа, а название тех мест, откуда они (ороки) прибыли на Сахалин. Поэтому Штернберг и получил неординарный ответ: одни ороки ему назвались ульча (улча), а другие – ольча (олча), т.е. так, как назывались территории, где они ранее обитали на материке. Однако Штернберг не заинтересовался вопросом, почему ороки из разных мест назвали себя по-разному? Ответить на этот вопрос Л.Я. Штернберг не мог, и, возможно, именно по этой причине, он согласился с мнением Липского, что термин «ульча» является новым написанием слова «ольчи» [15, с. XLIII].

Мнение Л.Я. Штернберга о русском происхождении термина «орочон» вначале было заимствовано С.К. Паткановым, потом И.А. Лопатиным, а после этого оно перекочевало и в труды постсоветских исследователей, которые применительно к орокам, предложили забыть это русское название, потому что у ороков, как утверждает Л.И. Миссонова, имелось свое «исконное самоназвание ... уйльта» [19, с. 129].

Однако, действительно ли этноним *орочён* является русским термином, как считают некоторые современные этнографы? Это очень сложная проблема и её без подробностей изложить невозможно.

Впервые этническое название *орочи* было выявлено у местного населения залива Де-Кастри французским мореплавателем Ж.Ф. Лаперузом в 1787 г., когда он проводил исследование современного побережья Татарского пролива. Если исходить из того, что аборигены Приамурья, Приморья и Сахалина сами себя оленеводами не называли, то невольно возникает вопрос, откуда на побережье Татарского пролива могло появиться этническое название в значении *оленево́д* у народа, который содержанием оленей уже в XVIII в. не занимался?

Дальнейшие исследования показали, что название «оленные» оленеводам могли дать только маньчжуры или их предки в то время, когда они кочевали с оленями в горах, вдали от своих нынешних мест жительства. Свой вывод Л.И. Шренк подкрепляет материалами Клапрота, который писал, что «маньчжуры называют всех прочих тунгусов общим именем «*Орочоны*». Здесь же Шренк делает небольшое уточнение, что этим же термином монголы называют всех оленеводов-тунгусов, хотя «название «*Орочоны*» не монгольского происхождения», а тунгусского [45, с. 137].

В.А. Туголуков, проанализировав термин «орочён», однозначно поддержал мнение Шренка: «если смысловой основой этнонима *орочён* служит тунг. *орон*, то такой этноним должен считаться не маньчжурским, а тунгусским. Заимствовав у тунгусов данный термин, маньчжуры пользовались им в собственной огласовке, произнося его как *ороньчо* или *ороньчон*» [44, с. 44].

В отличие от Л.И. Шренка, А.Н. Липский утверждал, что этническое название *орочон* маньчжурского происхождения. Этим именем маньчжуры в XVIII в. задолго до появления русских на Амуре называли тунгусов-оленоводоов, в том числе ороков Сахалина и манегров. «С тех пор мы и имеем *орочон*, *орончен*, *орочен* – как самостоятельную этническую единицу» [15, с. XIII] в регионах.

Т.П. Роон считает, что это этническое название является вариантом русского языка. Русские переселенцы местных оленеводов называли термином *орочен/орочены*. «Именно под таким названием уйльта известны у русскоязычного населения Северного Сахалина» [30, с. 12–13].

Вышеотмеченные исследования показывают, что этническое название «орочены» могло принадлежать трем народам: тунгусам (Шренк), маньчурам (Липский) и русским (Роон). Если исходить из того, что маньчжуры, монголы, народы Нижнего Амура, Сахалина, Татарского побережья и русские переселенцы тунгусский термин «орочены» и другие его варианты используют вместо этнического названия для тунгусов-оленоводоов, то можно быть уверенным, что это название среди народов Сибири и Дальнего Востока было оглашено и распространено не маньчурами и монголами, не русскими, а только тунгусами, оленеводческая культура которых была отнесена к особому *орочонскому* типу. В процессе развития этой культуры ее носителями стали негидальцы, ороки, *орочи*, *орочёны-эвены* и другие тунгусо-маньчжурские этносы.

Отмеченные этнические названия и оленеводческая культура *орочёнского* типа ограничиваются территориями Забайкалья, верховьев Амура (Амурская область), Удского края (бассейн р. Уда), северной части Охотского побережья, Чукотки, Камчатки, Сахалина и залива Де-Кастри Татарского пролива. Исходя из методов комплексного подхода, мы вычлняем и детально рассматриваем только тот регион, откуда мог начаться процесс распространения этнического названия «орочоны» в значении «оленоводоы» среди тунгусо-маньчжурских этносов Дальнего Востока.

Л.И. Шренк первый обратил внимание, что *орочи* Татарского пролива в конце XVIII в. оленеводством не занимались, но сами себя называли *орочами*, т.е. оленеводами. Он решил выяснить, почему безоленный народ залива Де-Кастри назвался оленеводами, а также, откуда у *орочей* могло появиться это название?

Л.И. Шренк хотя и был сторонником южного происхождения *орочей*, но считал, что этническое название *ороч* (*орочоны*) в значении *оленоводоы* не могло прийти к населению Татарского пролива от южных племен Приморья, потому что местные племена, обитавшие в бассейне р. Уссури и занимавшие побережье Японского моря от Кореи до залива Де-Кастри, оленеводством не занимались [45, с. 141]. По этой причине Л.И. Шренк решил, что вместо «настоящих» *орочей*, встретившихся с Ж. Лаперузом в 1787 г., были оленеводы – ольчи, и Лаперуз этноним *орочи* «без сомнения ... слышал ... от туземных жителей залива», но этим именем назвались не *орочи*, а ольчи, которые в те времена проживали в районе залива Де-Кастри. «Я нисколько не сомневаюсь, что Лаперуз узнал имя народа не от *орочей*, а от ольчей. Так как последние, действительно, сами называют себя этим именем, то он от них и должен был слышать название, которое при столь обыкновенной замене тунгусскими племенами буквы «Л» буквою «Р», могло быть произносимо и «ольча», как я его слышал, и «ор(о)ча» [45, с. 142].

В свое время проблемой происхождения этнонима *орочи* интересовался и Л.Я. Штернберг. Изучив материалы Шренка о появлении этнонима *орочи* у населения залива Де-Кастри, он обоснованно усомнился в его правоте, и высказал свое предположение, что во время посещения Лаперузом залива Де-Кастри вместе с *орочами* жили не только мангуны-ольчи, но и выходцы с Удыли – негидальцы. Именно негидальцы «... в течение долгого периода сожителства могли достаточно оборочиться, чтобы считать себя одним народом с *орочами*, тем более что ни по языку, ни по верованиям, ни по обычаю они от *орочей* ничем не отличаются. Я встретил потомков этого рода на Амуре, и они по старой памяти еще и теперь перед русскими называют себя *орочи*. Правда, Лаперуз сам в других пунктах территории *орочей* не встречал, но он все-таки не ошибся: обитатели этого побережья перед другими, действительно, так называют себя» [46, с. 395].

Итак, по Л.Я. Штернбергу, *орочами* могли назвать себя и негидальцы, что в принципе не противоречит реальному положению дел. Отдельные представители негидальского этноса действительно достигали Татарского пролива и имели тесные связи с эвенами-орочёнами северной части Охотского побережья. Они, также вступая в этнокультурные контакты с зейскими, урмийскими, учурскими, удскими и другими группами эвенков, имевшими этническое название *орочё*, *орочён* [41, с. 25], тоже могли назвать себя *орочами*. А.Н. Липский сообщал, что современные негидальцы из селений Им и Усть-Амгуни в подворных карточках переписи населения 1923 г. называли себя «*арочен'ами*» [15, с. XIX].

Вполне возможно, что этнический термин *ороч* (*орочоны*) жителями залива Де-Кастри, т.е. современными *орочами*, обитающими в бассейнах Хади, Тумнина, Хунгари (Гур) и других рек, впадающих в Японское море, через посредников – негидальцев был заимствован у *орочёлов* Охотского побережья, потому что *орочёлов* (эвенов) и *арочонов* (негидальцев) связывали какие-то родственные узы, которые в наши дни сохранились только в общем сходстве негидальцев с *ороками* и *ламутами* [13, с. 27], а также в древних самоназваниях ольских, арманских и др. групп эвенов в форме *илкан бэј* (*взрослый, возмужалый человек*); *бэј* – *человек; мужчина* и в этнониме негидальцев – *илкан бэјэнин* (*настоящий человек*) [40, с. 122–123, 308]. У эвенков и у других этносов подобные названия отсутствуют.

А.А. Сирина при исследовании эвенков и эвенов также обратила на этническую связь *орочей*, негидальцев и эвенов северной части Охотского побережья и, заостря на этом особое внимание, писала: «... специальных исследований заслуживает тема связи и этнических контактов *орочей* (эвенов) Магаданской области с приморским населением Хабаровского края, также известного под именем *орочи* (с вариантами) и *наматканы*» [37, с. 48].

В исследовании С.К. Патканова отмечается, что «*орочи*, живущие около Императорской Гавани и в ее окрестностях, называют себя именем *орочоны*...» [25, с. 74]. Но далее автор заявляет, что *орочи*, живущие к северу от р. Ботчи, этническое название «*орочоны*» заимствовали от русских. «От других народов они его перенять не могли, – поясняет исследователь, – так как их соседи называют их по большей части именем «*кэкары*» и его вариациями, а маньчжуры, которым приписывают происхождение слова «*орунчунь*», отделены от них областью *гольдов*» [25, с. 77].

Мнение Патканова о заимствовании орочами экзонима *орочоны* от русских просматривается и в работе И.А. Лопатина «Орочи – сородичи маньчжур», где сообщается, что этническое название *орочон* в Приморской области появилось во второй половине XIX в. благодаря русским переселенцам, которые, зная о существовании орочонов Забайкалья и Амурской области, орочей Императорской Гавани тоже стали называть *орочонами*. «Дело дошло даже до того, что и сами орочи в разговоре с русскими называют себя орочонами» [16, с. 7].

Сравнивая исследования С.К. Патканова и И.А. Лопатина, нетрудно заметить – они оба считают, что русские при переселении в Приморье, Приамурье и на Сахалин распространили среди орочей, ороков и других аборигенов региона этническое название *орочоны* в значении *оленево́ды*. Однако в данном случае и Патканов, и Лопатин ошибочно использовали только устоявшийся стереотип XIX – начала XX в., указывающий на особую историческую значимость русских, без которых аборигены, якобы, не могли определиться даже со своим самоназванием. Они не сопоставили даты появления русских и французов в районах Татарского пролива: русские в районе Императорской Гавани стали появляться только в 1882–1891 гг. во время второго этапа переселения русского крестьянства на Дальний Восток [9, с. 231–232], а этнонимы *орочи* и *орочоны* в заливе Де-Кастри прозвучали от местных жителей более 100 лет тому назад – в 1787 г. Однако вместо этих сопоставлений, исследователи, не подумав, сделали ошибочный вывод, будто орочи, находясь под влиянием русских, «... называют себя ... заимствованным от русских именем «орочоны» [25, с. 77].

Можно предположить, что этнические названия *орочоны* и *орочи* на побережье Татарского пролива до появления здесь Лаперуза могли утвердиться от племен Забайкалья или от орочонов Амурской области. Но этого быть не могло по той причине, что территория Татарского пролива отделена от Забайкалья и верховьев Амура областью гольдов и других племен. Иначе говоря, экзоним *орочон* (*орочён*) вначале должен был появиться у гольдов, как предполагал С.К. Патканов [25, с. 77], а затем и у других аборигенов. Однако ни у гольдов, ни у других народов Приамурья, кроме орочей, это этническое название не утвердилось. Из этого следует, что этнические названия *орочёны* и *орочи* на побережье Татарского пролива в конце XVIII в. получены не от племен Забайкалья и Амурской области. В.А. Туголуков указывает и на другую причину, почему этноним *орочён* не мог появиться среди орочей Императорской Гавани от племен Забайкалья, потому что этот этноним до начала XIX в. вообще «... не являлся специфическим обозначением забайкальских и приамурских эвенков, занимавшихся оленеводством» [44, с. 44].

Термин *орочон* не мог быть заимствован жителями залива Де-Кастри и от ороков Сахалина, потому что русские на Сахалине также, как и в Приморье, появились только во второй половине XIX в. К этому времени ороки уже пользовались этническим названием *орочоны* и знали территориальные названия ороков в форме *олча* и *улча* (русифицированные слова – *ольча* и *ульча*).

Утверждение исследователей, что этимология слова *орочёны* соответствует понятию *оленево́ды* и отнесение этого названия к разряду русских этнических терминов, активизировали поиски общего национального самоназвания среди территориальных имён ороков Сахалина. В процессе этих поисков у исследователей советского и постсоветского периодов выработалась практика, всё, что не

вписывалось в их концепции, предавать забвению. Вначале в этнонимической цепочке ороков Сахалина лишним оказался этноним *олча* (*ольча*, *ольчи*), объявленный, что это неправильное написание слова «ульча» [3, с. 562; 15, с. XLIII].

Впоследствии этот факт никто из филологов и этнографов не оспорил, хотя корневые основы у названий *олча* (*ольча*) и *улча* (*ульча*) разные. Затем филолог тунгусо-маньчжурских языков Т.И. Петрова, рассматривая термины ульта, уильта и уйльта как единое самоназвание ороков, сокращает этнонимическую цепочку за счёт слова уильта и заостряет внимание только на двух терминах *ульта* ~ *уйльта* (*ул'та* ~ *уйл'та*), объединяя их знаком «~», обладающим понятием идентичности, одинаковости [27, с. 6]. Аналогичное отношение к этим названиям наблюдается и у другого знатока орокского языка Л.В. Озолия [24, с. 5–6]. На исчезновение этнонима *уилта* из этнонимической цепочки ороков как из работы Т.И. Петровой, так и из исследований других специалистов также никто не обратил внимания. И только благодаря Л.И. Сем, Дз. Икэгами и других, преимущественно зарубежных ученых, написание этнонима *уилта* (*Uilta*) вернулось в свое лоно, но в устах филологов и этнографов он звучал как *уйльта*, и стал выдаваться за исконное самоназвание ороков. Однако, если учесть, что современные исследователи, проигнорировав язык ороков, этимологию названия *уйльта* стали искать в языке эвенков и связывать её с эвенкийским словом *уил* – водоворот в реке (Л.И. Миссонова), являющимся входом в потусторонний мир (Г.М. Василевич), то любой исследователь поймёт, что название *уйльта* далеко не истинное имя народа, которым в прошлом будто бы называли себя ороки Сахалина. Ошибочное сведение разных терминов в одно название привело всех исследователей к игнорированию наиболее продуктивных разнокорневых этнонимов в написании *улча* (*ульча*, *ульчи*), *улта* (*ульта*) и *уилта* (*уильта*), имеющих, на наш взгляд, этимологическую связь с местными топонимами – ойконимом *Уил* и гидронимом *Ул*.

В процессе длительного и глубокого анализа этнонима *орочёны* (*орочены*, *орочоны*) нам удалось доказать, что этот термин не является русским словом, а принадлежит какой-то группе ороков, переселившейся на Сахалин в XVII в. Все остальные названия, известные в форме *олча* (*ольча*), *улча* (*ульча*), *уилта* (*уильта*), *улта* (*ульта*) и *уйлта* (*уйльта*), являются разными названиями этнографических или субэтнических групп ороков Сахалина, и представляют собой комплексное отражение многовековой истории эвенов, негидальцев, орочей, удэгейцев, части современных ульчей, вошедших в разные исторические периоды в состав ороков [42, с. 130], что и отразилось в материалах переписи населения 2002 г., где из 346 человек, зафиксировалось 6 групп, в состав которых вошли не только люди с самоназванием *ороки*, *ульта* и *уйльта*, но и *орочи*, *орочёны* и *ульча* с родным языком ульта. Таким образом, учитывая многообразие орокских этнонимов, мы сталкиваемся с проблемой: каким именем ороки Сахалина будут называть сами себя: *уйльта* – люди, живущие у входа в потусторонний мир; *уилта* – верховские, – люди, в прошлом жившие в верховьях Амгуни; *орочёны* – местные жители (от слова «оро» – «место» + *чен* – суффикс принадлежности = «орочён» – «местный житель»).

Исследователь не имеет права, рекомендовать людям, как себя называть. Всё зависит от самосознания самих ороков. Задача современного исследователя состоит в том, чтобы донести до населения ороков знание об их истории, происхождении

этнических самоназваний и исторических перипетий, изложенных в настоящей статье, а ороки, пусть сами решают, каким именем себя называть.

ЛИТЕРАТУРА И ИСТОЧНИКИ

1. Аврорин В.А., Лебедева Е.П. Ороческие тексты и словарь. Л.: Наука, 1978. 264 с.
2. Арсеньев В.К. Жизнь и приключения в тайге // Собр. соч. в 6 т. 2-е доп. издание. Владивосток: Альманах «Рубеж», 2011. Т.2. С.5–206.
3. Арсеньев В.К. Этнологические проблемы на востоке Сибири // Собр. соч. в 6 т. Владивосток: Тихоокеанское издательство «Рубеж», 2012. Т.3. С.547–578.
4. Бурькин А.А. Рецензия на книгу А.Ф. Старцева «Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина» // Россия и АТР, 2016. № 1. С.269–278.
5. Василевич Г.М. Эвенки: ист.-этногр. очерки (XVIII – XX вв.). Л.: Наука, 1969. 304 с.
6. Васильев Б.А. Основные черты этнографии ороков. Предварительный очерк по материалам экспедиции 1928 г. // Этнография. 1929. №1. С.3–22.
7. Гирфанова А.Х. Учебный тематический словарь удэгейского языка. СПб.: Филол. Фак., 2012. 96 с.
8. Исторические отчеты физико-географических исследований начальника физического отдела Сибирской экспедиции магистра Ф.Б. Шмита и его помощника П.П. Глена. С.-Петербург, 1866. 119 с.
9. История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в. – февраль 1917 г.). М.: Наука, 1991. 471 с.
10. Косарев В. Д. Ороки (уйльта) в этногенетике тунгусоязычных народов Приамурья: задача со многими неизвестными. Культурное наследие народов Дальнего Востока России Сахалинской области. Уйльта. Эвенки. Южно-Сахалинск: Сахалинский гос. обл. краевед. музей, 2009. С.17–31.
11. Левин М.Г. Антропологические типы Амура и Охотского побережья //КСИЭ. М.: Изд-во АН СССР, 1946. Вып.1. С.65–68.
12. Левин М.Г. Антропологические исследования на Амуре и Сахалине // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1949. Вып. 5. С.25–31.
13. Левин М.Г. Амуро-сахалинская антрополого-этнографическая экспедиция // Краткие сообщения Института этнографии им. Н.Н. Миклухо-Маклая. – М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1949а. Вып. V. С.19–24).
14. Левин М.Г. Антропологические типы Сибири и Дальнего Востока (к проблеме этногенеза народов Северной Азии) // Советская этнография. М.-Л.: Изд-во АН СССР, 1950. № 2. С.51–64.
15. Липский А.Н. Краткий обзор маньчжуро-тунгусских племен бассейна амура // Первый туземный съезд Д.В.О. (протоколы съезда с вводной статьей А. Липского). Хабаровск, 1925. С. V–LI.
16. Лопатин И.А. Орочи – сородичи маньчжур. Харбин, 1925. 25 с.
17. Мевзос Г.М. Обследование туземного хозяйства низовьев Амура 1927–28 года (пояснения к таблицам) // Туземное хозяйство Низовьев Амура в 1927–28 году (по материалам обследования 1928 года). Хабаровск; Благовещенск: Изд. Дальохотсоюза и Далькрайсоюза, 1929. С.5–81.
18. Миссонова Л.И. Уйльта Сахалина: большие проблемы малочисленного народа. М.: Наука, 2006. 295.
19. Миссонова Л.И., Соколова З.П. Феномен устойчивости этнической идентификации уйльта в контексте этнонимической истории народов Севера (конец XIX – начало XXI в.) // Этнографическое обозрение. М., 2006. № 1. С.129–145.
20. Миссонова Л.И. Этническая идентификация населения Сахалина: от переписи А.П. Чехова 1890 года до переписей XXI века // Исследования по прикладной и неотложной этнологии. М.: ИЭА РАН, 2010. Вып. 223. 88 с.
21. Национальный состав и владение языками, гражданство. – М.: ИИЦ «Статистика России», 2004. – 946 с. (Итоги Всероссийской переписи населения 2002 г.: в 14 т. /Федер. Служба гос. Статистики; Т.4. Кн.1. С.936
22. Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на Крайнем Востоке России 1849–1855. Хабаровск: Кн. изд-во, 1969. 424 с.
23. Озолиня Л.В., Федяева И.Я. Орокско-русский и русско-орокский словарь. Южно-Сахалинск: Сахалин. кн. изд-во, 2003. 296 с.

24. Озолиня Л.В. Грамматика орокского языка. Новосибирск: Академическое издательство «ГЕО», 2013. 375 с.
25. Патканов С.К. Опыт географии и статистики тунгусских племен Сибири на основании данных переписи населения 1897 г. и других источников // Записки ИРГО по отделению этнографии. Часть 2. Прочие тунгусские племена. СПб., 1906. Т.31. 208 с.
26. Певнов А.М. Этимология самоназвания ороков // Acta Linguistica petropolitana: Труды института лингвистических исследований. Т. XIII, часть 3 / Отв. ред. Н.Н. Казанский. Санкт-Петербург: «Наука», 2017. С. 886-892.
27. Петрова Т.И. Язык ороков (уйльта). Л.: Наука, 1967. 156 с.
28. Поляков И.С. Путешествие на остров Сахалин в 1881–1882 гг. СПб.: Типография А.С. Суворина, 1883. 112 с.
29. Путешествие на Амур, совершенное по распоряжению Сибирского отдела Императорского Русского географического общества в 1855 г. Р. Мааком. СПб.: Изд-во С.Ф. Соловьева, 1859. 275 с.
30. Роон Т.П. Уйльта Сахалина: ист.-этногр. исследование традиционного хозяйства и материальной культуры XVIII – середины XX веков. Южно-Сахалинск: Сахалин. обл. кн. изд-во, 1996. 176 с.
31. Роон Т.П. Исследования этнических групп Сахалина во второй половине 1940-х гг.: Известные и неизвестные материала // Девятые Гродековские чтения. Материалы межрегиональной научно-практической конференции, посвящённой 100-летию начала Гражданской войны в России. - Хабаровск: Хабаровский краевой музей им. Н.И. Гродекова, 2018. Т III. 208 с.
32. Сем Ю.А. Проблема происхождения ороков Сахалина // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). – Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С.86 Объем. С.79–87.
33. Сем Л.И. Общая характеристика орокского языка // Общие закономерности и особенности исторического развития народов советского Дальнего Востока (с древнейших времен до наших дней). – Владивосток: ДВФ им. В.Л. Комарова СО АН СССР, 1965. С.87–94.
34. Сем Л.И. Очерки диалектов нанайского языка: бикинский (уссурийский) диалект. Л.: Наука, 1976. 212 с.
35. Сем Ю.А., Сем Л.И., Сем Т.Ю. Материалы по традиционной культуре, фольклору и языку ороков. Диалектический орокско-русский словарь: этнографические исследования// Труды ИИАЭ ДВО РАН. Владивосток: Дальнаука, 2011. Т.14. 157 с.
36. Сказки народности уйльта: Т.И. Петрова. «Язык ороков (уйльта)». Академия наук СССР; Сказители: Степанов, С.Павлов, П.Павлов, перевод с уйльтинского: Е.А. Бибилова, В.А. Михеевы. Южно-Сахалинск: ООО «Издательство «Сахалин – Приамурские ведомости», 2014. 28 с.
37. Сирина А.А. Эвенки и эвены в современном мире: самоназвание, природопользование, мировоззрение. М.: Вост. лит., 2012. 604 с.
38. Смоляк А.В. Этнические процессы у народов Нижнего Амура и Сахалина (середина XIX – начало XX в.). М.: Наука, 1975. 232 с.
39. Соколовский С.В. Территории традиционного природопользования Сахалина (обоснование проекта) // Расы и народы. М.: Наука, 2002. Вып.28. С.160–187.
40. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1975. Т.1. 672 с.
41. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков: материалы к этимологическому языку. Л.: Наука, 1977. Т.2. 992 с.
42. Старцев А.Ф. Ороки – орочёны, а не уйльта! К проблеме этногенеза ороков Сахалина. Владивосток: Дальнаука, 2015. 163 с., 2015, с.128].
43. Таксами Ч.М. Тунгусские народы на Сахалине // Страны и народы Востока: Страны и народы бассейна Тихого океана. М.: Наука, 1968. Вып. VI. С.29–42.
44. Туголуков В.А. Проблема этнонима орочёны в тунгусоведении // Имя и этнос. Общие вопросы ономастики: этнонимия, антропонимия, теонимия, топонимия. Сборник. М., 1996. С.43–50.
45. Шренк Л. И. Об инородцах Амурского края. Части географическо-историческая и антропо-этнологическая. СПб.: Издание Императорской Академии наук, 1883. Т.1. 323 с.
46. Штернберг Л.Я. Гиляки, орочи, гольды, негидальцы, айны. Хабаровск: Дальгиз, 1933. 740 с.
47. Juha Janhunen (Helsinki). On the Ethnonyms Orok and Uryangkhai // Studia Enymologica Cracoviensia vol. 19.71–81. Krakow, 2014. P.71–81.
48. Ikegami Jirô. Researches on the Tungus Language. Tokyo, «Kyûko Shoin». 2001. 457 p.

49. Shiro Sasaki. Anthropological Studies of the Indigenous Peoples in Sakhalin in Pre-Wartime and Wartime Japan // *Wartime Japanese Anthropology in Asia and the Pacific / Senri Ethnological Studies* 65. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2003. P.151–168.
50. Исчезающие языки Народов Сибири – Endangered languages of the Local People of Siberia // *Uilta Language (Orok Language) – Электронный ресурс*. Время входа 4 апреля 2016 г.

REFERENCES

1. Avrorin V.A., Lebedeva E.P. *Orochskie teksty i slovar'* [Oroch texts and dictionary]. L.: Nauka publ., 1978. (In Russ.)
2. Arsen'ev V.K. *Zhizn' i prikljuchenija v tajge* [Life and Adventure in Taiga] // *Sobr. soch. v 6 t. 2-e dop. Izdanie* [Collected cit. in 6 tons. 2nd add. edition.]. Vladivostok: almanac «Rubezh», 2011. T.2. (In Russ.)
3. Arsen'ev V.K. *Jetnologicheskie problemy na vostoce Sibiri* [Ethnological problems in eastern Siberia] // *Sobr. soch. v 6 t.* [Collected cit. in 6 tons]. Vladivostok: Rubezh Pacific publ., 2012. T.3. (In Russ.)
4. Burykin A.A. *Recenzija na knigu A.F. Starceva «Oroki – orochny, a ne ujl'ta! K probleme jetnogeneza orokov Sahalina»* [Review of the book A.F. Startsev "Oroki - Orocheny, not Uilta! To the problem of the ethnogenesis of the Sakhalin Orok "] // *Rossija i ATR* [Russia and the APR]. 2016. № 1. (In Russ.)
5. Vasilevich G.M. *Jevenki: ist.-jetnogr. ocherki (XVIII – XX vv.)* [Evenki: history.-ethnogr. Essays (XVIII - XX centuries)]. L.: Nauka publ., 1969. (In Russ.)
6. Vasil'ev B.A. *Osnovnye cherty jetnografii orokov. Predvaritel'nyj ocherk po materialam jekspedicii 1928 g.* [The main features of the Orok ethnography. Preliminary essay on the materials of the expedition in 1928] // *Jetnografija* [Ethnography]. 1929. No. 1. (In Russ.)
7. Girfanova A.H. *Uchebnyj tematicheskij slovar' udjegejskogo jazyka* [Educational subject dictionary of Udeghe language]. S.-Peterburg: Faculty of Philology, 2012. (In Russ.)
8. *Istoricheskie otchety fiziko-geograficheskikh issledovanij nachal'nika fizicheskogo otdela Sibirskoj jekspedicii magistra F.B. Shmita i ego pomoshhnika P.P. Glena* [Historical reports of physical and geographical research of the head of the Physical Department of the Siberian Expedition of the Master F.B. Schmitt and his assistant, PP Glen]. S.-Peterburg, 1866. (In Russ.)
9. *Istorija Dal'nego Vostoka SSSR v jepohu feodalizma i kapitalizma (XVII v. – fevral' 1917 g.)* [History of the Far East of the USSR in the era of feudalism and capitalism (XVII century. - February 1917)]. M.: Nauka publ., 1991. (In Russ.)
10. Kosarev V. D. *Oroki (Ul'ta) v jetnogenetike tungusojazychnyh narodov Priamur'ja: zadacha so mnogimi neizvestnymi. Kul'turnoe nasledie narodov Dal'nego Vostoka Rossii Sahalinskoj oblasti. Ujl'ta. Jevenki* [Oroki (ulta) in the ethnogenetics of the Tungus-speaking peoples of the Amur region: a task with many unknowns. Cultural heritage of the peoples of the Far East of Russia Sakhalin region. Uilta. Evenki]. Juzhno-Sahalinsk: Sakhalin State Regional Museum of Local Lore, 2009. (In Russ.)
11. Levin M.G. *Antropologicheskie tipy Amura i Ohotskogo poberezh'ja* [Anthropological types of the Amur and Okhotsk coast] // *KSIE* [Brief Communications Institute of Ethnography]. M.: AN SSSR publ., 1946. Issue 1. (In Russ.)
12. Levin M.G. *Antropologicheskie issledovanija na Amure i Sahaline* [Anthropological studies on the Amur and Sakhalin] // *Kratkie soobshhenija Instituta jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja* [Brief reports of the Institute of Ethnography. N.N. Miklouho-Maclay]. M.; L.: AN SSSR publ., 1949. Issue 5. (In Russ.)
13. Levin M.G. *Amuro-sahalinskaja antropologo-jetnograficheskaja jekspedycja* [Amur-Sakhalin Anthropological and Ethnographic Expedition] // *Kratkie soobshhenija Instituta jetnografii im. N.N. Mikluho-Maklaja* [Brief reports of the Institute of Ethnography. N.N. Miklouho-Maclay]. – M.-L.: AN SSSR publ., 1949. Issue V. (In Russ.)
14. Levin M.G. *Antropologicheskie tipy Sibiri i Dal'nego Vostoka (k probleme jetnogeneza narodov Severnoj Azii)* [Anthropological types of Siberia and the Far East (on the problem of the ethnogenesis of the peoples of North Asia)] // *Sovetskaja jetnografija* [Soviet ethnography]. M.-L.: AN SSSR publ., 1950. No. 2. (In Russ.)
15. Lipskij A.N. *Kratkij obzor man'chzhuro-tungusskih plemen bassejna amura* [Overview of the Manchu-Tungus tribes of the Amur Basin] // *Pervyj tuzemnyj s'ezd D.V.O. (protokoly s'ezda s vvodnoj stat'ej A. Lipskogo)* [First Indigenous Congress D.V.O. (minutes of the congress with an introductory article by A. Lipsky)]. Khabarovsk, 1925. (In Russ.)

16. Lopatin I.A. *Orochi – sorodichi man'chzhur* [Orochi - relatives Manchu]. Harbin, 1925. (In Russ.)
17. Mevzos G.M. *Obsledovanie tuzemnogo hozjajstva nizov'ev Amura 1927–28 goda (pojasnenija k tablicam)* [Examination of the native economy of the lower reaches of the Amur, 1927–28 (explanations to the tables)] // *Tuzemnoe hozjajstvo Nizov'ev Amura v 1927–28 godu (po materialam obsledovanija 1928 goda)* [The native economy of the Nizoviev Amur in 1927–28 (based on materials from the 1928 survey)]. Habarovsk; Blagoveshensk: Dal'ohotsojuza publ., 1929. (In Russ.)
18. Missonova L.I. *Ujl'ta Sahalina: bol'shie problemy malochislennogo naroda* [Uilta Sakhalin: the big problems of small people]. M.: Nauka publ., 2006. (In Russ.)
19. Missonova L.I., Sokolova Z.P. *Fenomen ustojchivosti jetnicheskoj identifikacii ujl'ta v kontenkte jetnonimicheskoj istorii narodov Severa (konec HHI – nachalo HHI v.)* [The phenomenon of the stability of Uilta's ethnic identification in the context of the ethnonymic history of the peoples of the North (the end of the nineteenth - the beginning of the twenty-first century)] // *Jetnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review]. M., 2006. No. 1. (In Russ.)
20. Missonova L.I. *Jetnicheskaja identifikacija naselenija Sahalina: ot perepisi A.P. Chehova 1890 goda do perepisej HHI veka* [Ethnic identification of the Sakhalin population: from the census of A.P. Chekhov in 1890 before the census of the twenty-first century] // *Issledovanija po prikladnoj i neotlozhnoj jetnologii* [Research in applied and urgent ethnology]. M.: IHAЕ FEB RAS, 2010. Issue 223. (In Russ.)
21. *Nacional'nyj sostav i vladenie jazykami, grazhdanstvo* [National composition and language proficiency, citizenship]. – M.: Publishing and Information Center « Russian statistics », 2004. (Results of the All-Russian Population Census 2002: in 14 tons. / Feder. State Statistics Service; T. 4. Book 1). (In Russ.)
22. Nevel'skoj G.I. *Podvigi russkih morskikh oficerov na Krajnem Vostoke Rossii 1849–1855* [Russian naval officers in the Extreme East of Russia 1849–1855]. Habarovsk, 1969. (In Russ.)
23. Ozolinja L.V., Fedjaeva I.Ja. *Oroksko-russkij i russko-orokskij slovar'* [Orok-Russian and Russian-Orok dictionary]. Juzhno-Sahalinsk: Sahalin, 2003. (In Russ.)
24. Ozolinja L.V. *Grammatika orokskogo jazyka* [Grammar of Orok]. Novosibirsk: Academic publ.«GEO», 2013. (In Russ.)
25. Patkanov S.K. *Opyt geografii i statistiki tungusskikh plemen Sibiri na osnovanii dannyh perepisi naselenija 1897 g. i drugih istochnikov* [Experience in the geography and statistics of the Tungus tribes of Siberia based on data from the census of 1897 and other sources] // *Zapiski IRGO po otdeleniju jetnografii. Chast' 2. Prochie tungusskie plemena* [Notes IRGO on the department of ethnography. Part 2. Other Tungus tribes]. S.-Peterburg, 1906. T.31. (In Russ.)
26. Pevnov A.M. *JEtimologija samonazvanija orokov* [Etymology of the Orok self-name] // *Acta Linguistic petropolitana: Trudy instituta lingvisticheskikh issledovanij* [Acta Linguistic petropolitana: Proceedings of the Institute of Linguistic Studies]. T. XIII, part 3 / Executive Editor N.N. Kazanskij. S.-Peterburg: Nauka publ., 2017. (In Russ.)
27. Petrova T.I. *Jazyk orokov (ul'ta)* [Orok language (ulta)]. L.: Nauka publ., 1967. (In Russ.)
28. Poljakov I.S. *Puteshestvie na ostrov Sahalin v 1881–1882 gg.* [Travel to Sakhalin Island in 1881–1882]. S.-Peterburg: Suvorin A.S. publ., 1883. (In Russ.)
29. *Puteshestvie na Amur, sovershennoe po rasporyzheniju Sibirskogo otdela Imperatorskogo Russkogo geograficheskogo obshhestva v 1855 g. R. Maakom* [Journey to the Amur, committed by order of the Siberian Department of the Imperial Russian Geographical Society in 1855 by R. Maak]. S.-Peterburg: Solov'ev S.F. publ., 1859. (In Russ.)
30. Roon T.P. *Ujl'ta Sahalina: ist.-jetnogr. issledovanie tradicionnogo hozjajstva i material'noj kul'tury XVIII – serediny XX vekov* [Uilta Sakhalin: history.-ethnogr. study of traditional economy and material culture of the XVIII - mid XX centuries]. Juzhno-Sahalinsk: Sahalin: Regional book publishing house 1996. (In Russ.)
31. Roon T.P. *Issledovanija jetnicheskikh grupp Sahalina vo vtoroj polovine 1940-h gg.: Izvestnye i neizvestnye materiala* [Studies of Sakhalin ethnic groups in the second half of the 1940s: Known and unknown materials] // *Devjatye Grodekovskie chtenija. Materialy mezhregional'noj nauchno-prakticheskoj konferencii, posvjashhjonnoj 100-letiju nachala Grazhdanskoj vojny v Rossii* [Ninth Grodekovskie reading. Materials of the interregional scientific-practical conference dedicated to the 100th anniversary of the beginning of the Civil War in Russia]. - Habarovsk: Khabarovsk Regional Museum named after Gradegov, 2018. T III. (In Russ.)
32. Sem Ju.A. *Problema proishozhdenija orokov Sahalina* [The problem of the origin of the Sakhalin Oroks] // *Obshhie zakonomernosti i osobennosti istoricheskogo razvitija narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka (s drevnejshih vremen do nashih dnei)* [General laws and features of the historical development of the

- peoples of the Soviet Far East (from ancient times to the present day)]. – Vladivostok: Far Eastern Branch V.L. Komarova SB AS USSR, 1965. (*In Russ.*)
33. Sem L.I. *Obshhaja karakteristika orokskogo jazyka* [General characteristics of the Orok language] // *Obshhie zakonomernosti i osobennosti istoricheskogo razvitiya narodov sovetskogo Dal'nego Vostoka (s drevnejshih vremen do nashih dnei)* [General laws and features of the historical development of the peoples of the Soviet Far East (from ancient times to the present day)]. – Vladivostok: Far Eastern Branch V.L. Komarova SB AS USSR, 1965. (*In Russ.*)
  34. Sem L.I. *Ocherki dialektov nanajskogo jazyka: bikinskij (ussurijskij) dialect* [Essays on the Nanai dialects: Bikin (Ussuri) dialect]. L.: Nauka publ., 1976. (*In Russ.*)
  35. Sem Ju.A., Sem L.I., Sem T.Ju. *Materialy po tradicijnoj kulture, fol'kloru i jazyku orokov. Dialekticheskij oroksko-russkij slovar': jetnograficheskie issledovanija* [Materials on traditional culture, folklore and Orok language. Dialectic Orok-Russian Dictionary: Ethnographic Studies] // *Trudy IIAE DVO RAN* [Studies of IIAE FEB RAS]. Vladivostok: Dal'nauka publ., 2011. T.14. (*In Russ.*)
  36. Skazki narodnosti ujlt'a: T.I. Petrova. «Jazyk orokov (ujlt'a)». *Akademija nauk SSSR; Skaziteli: Stepanov, S.Pavlov, P.Pavlov, perevod s ujltinskogo: E.A. Bibikova, V.A. Miheevy* [Uilta folk tales: T.I. Petrova. "The language of the Orok (Uilta)." Akademiya Sciences of the USSR; Storytellers: Stepanov, S.Pavlov, P.Pavlov, translation:]. Juzhno-Sahalinsk: ltd. «Sahalin – Priamurskie vedomosti publ., 2014. (*In Russ.*)
  37. Sirina A.A. *Jevenki i jeveny v sovremennom mire: samonazvanie, prirodopol'zovanie, mirovozzrenie* [Evenki and Eveny in the modern world: self-name, nature management, worldview]. M.: Eastern literature publ., 2012. (*In Russ.*)
  38. Smoljak A.V. *Jetnicheskie processy u narodov Nizhnego Amura i Sahalina (seredina XIX – nachalo XX v.)* [Ethnic processes among the peoples of the Lower Amur and Sakhalin (mid XIX - early XX century)]. M.: Nauka publ., 1975. (*In Russ.*)
  39. Sokolovskij S.V. *Territorii tradicijnogogo prirodopol'zovanija Sahalina (obosnovanie proekta)* [Territories of traditional nature use of Sakhalin (project rationale)] // *Rasy i narody* [Races and nations]. M.: Nauka publ., 2002. Issue 28. (*In Russ.*)
  40. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskijh jazykov: materialy k jetimologicheskomu jazyku* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages: materials for the etymological language]. L.: Nauka publ., 1975. T.1. (*In Russ.*)
  41. *Sravnitel'nyj slovar' tunguso-man'chzhurskijh jazykov: materialy k jetimologicheskomu jazyku* [Comparative Dictionary of the Manchu-Tungus languages: materials for the etymological language]. L.: Nauka publ., 1977. T.2. (*In Russ.*)
  42. Starcev A.F. *Oroki – orochjony, a ne Ujl'ta! K probleme jetnogeneza Orokov Sahalina* [Orok - Orochen, not Uilta! To the problem of the ethnogenesis of the Sakhalin Orok]. Vladivostok: Dal'nauka publ., 2015.
  43. Taksami Ch.M. *Tungusskie narody na Sahaline* [Tungus peoples on Sakhalin] // *Strany i narody Vostoka: Strany i narody bassejna Tihogo okeana* [Countries and Peoples of the East: Countries and Peoples of the Pacific Basin]. M.: Nauka publ., 1968. Issue VI. (*In Russ.*)
  44. Tugolukov V.A. *Problema jetnonima Orochjony v tungusovedenii* [The problem of the ethnonym Orochion in tunguseology] // *Imja i jetnos. Obshhie voprosy onomastiki: jetnonimija, antroponimija, teonimija, toponimija* [Name and ethnos. Common questions of onomastics: ethnonymy, anthroponymy, theonymy, toponymy]. Sat articles. M., 1996. (*In Russ.*)
  45. Shrenk L. I. *Ob inorodcah Amurskogo kraja. Chasti geograficheskio-istoricheskaja i antropo-jetnologicheskaja* [On the aliens of the Amur region. Parts of geographical-historical and anthropo-ethnological]. S.-Peterburg: Imperial Academy of Sciences publ., 1883. T.1. (*In Russ.*)
  46. Shternberg L.Ja. *Giljaki, Orochi, Gol'dy, Negidal'cy, Ajny* [Gilyaki, Orochi, Golda, Negidal, Ainu]. Khabarovsk: Dal'giz publ., 1933. (*In Russ.*)
  47. Juha Janhunen (Helsinki). On the Ethnonyms Orok and Uryangkhai // *Studia Enymologica Cracoviensia* vol. 19.71–81. Krakow, 2014.
  48. Ikegami Jirō. *Researches on the Tungus Language*. Tokyo, «Kyūko Shoin». 2001.
  49. Shiro Sasaki. *Anthropological Studies of the Indigenous Peoples in Sakhalin in Pre-Wartime and Wartime Japan // Wartime Japanese Anthropology in Asia and the Pacific / Senri Ethnological Studies 65*. – Osaka: National Museum of Ethnology, 2003.
  50. *Ischezajushhie jazyki Narodov Sibiri – Endangered languages of the Local People of Siberia // Uilta Language (Orok Language) – Jelektronnyj resurs. Vremja vhoda 4 aprelja 2016 g.* (*In Russ.*)